

ТЕМА СЛУЖЕНИЯ ПОЭТА В ЖИЗНЕТВОРЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ГУМИЛЕВА ГЛАЗАМИ ХОДАСЕВИЧА

**С. А. Колесников
В. А. Черкасов**

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
SKolesnikov@bsu.edu.ru
cherkasov@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается переосмысленная Н. С. Гумилевым в своей жизнетворческой практике традиционная для русской поэзии тема общественного служения поэта, в освещении В. Ф. Ходасевича. Бюрократические приемы, применяемые, по В. Ф. Ходасевичу, Н. С. Гумилевым в своей культурно-организаторской деятельности, его милитаристские настроения в связи с разразившейся мировой войной подвергаются критиком сатирическому снижению. Мотивы условности, «искусственности», «игры», характерные, по В. Ф. Ходасевичу, для декадентских жизнетворческих стратегий, являются конструктивными для его концепции личности Н. С. Гумилева. Таким образом, В. Ф. Ходасевич развенчивает героический миф о Н. С. Гумилеве, сложившийся в культурных и общественных кругах русского зарубежья 1920-1930-х годов вследствие расстрела поэта большевиками.

Ключевые слова: жизнетворческая модель, декадентство, литературная личность, биографическая личность, иерархия русских писателей.

На долгие десятилетия В. Ф. Ходасевич был незаслуженно забыт, как бы вычеркнут из контекста отечественного литературоведения. В современную эпоху, для которой характерно стремление к восстановлению этого контекста в полном объеме, мемуарно-биографическое творчество В. Ф. Ходасевича является первоочередным объектом для изучения, ввиду его научной и общественной значимости. В ситуации социально-духовного кризиса, в котором находятся в настоящее время цивилизация и личность, особую актуальность приобретают установки писателя на функциональность литературы в создании духовно-эстетической реальности, а также в становлении и развитии общества в целом. В этой связи ключевой характер приобретает созданная им концепция личности Н. С. Гумилева, в которой проясняются не только целый ряд малоизученных в современном литературоведении проблем биографии писателя как одного из центральных жанров, играющих конструктивную роль в эволюции русской литературы начала XX в., но и жизнетворческие коды ведущего представителя «баснословной эпохи Серебряного века русской культуры» (Н. Г. Мельников) [1, с. 7], как в их потенциально деструктивном, так и в телеологически-позитивном для литературного и общественного сознания аспектах.

В нашей работе мы намереваемся рассмотреть переосмысленную Н. С. Гумилевым в своей жизнетворческой практике традиционную тему общественного служения поэта, в освещении В. Ф. Ходасевича.

В восприятии В. Ф. Ходасевичем личности Н. С. Гумилева имеется одна важная деталь: поэт представал в интерпретации критика как фигура, вынесенная за рамки символизма. Для В. Ф. Ходасевича Н. С. Гумилев – прежде всего вождь акмеизма, направления, которое, как говорил критик еще в 1914 г., стремилось всячески «отмежеваться» [2, с. 480] от символизма. Акмеизм и его вожди, в первую очередь, Н. С. Гумилев, в передаче В. Ф. Ходасевича, пропагандировали себя в качестве противовеса символизму, который якобы обратил мир в «фантом». Выходом из символического «плена» должен стать акмеизм как «борьба за этот мир, звучащий, красочный...» [2, с. 480].

Разговор о личности Н. С. Гумилева для В. Ф. Ходасевича – это возможность выйти из «только» символического. Принципиальная установка на то, чтобы рассмот-

реть его личность как представителя условно «вне-символической» литературы в контексте формирования концепции личности, означала новый поворот в биографии В. Ф. Ходасевича, подразумевала расширение горизонтов влияния личностных особенностей символистов на эстетическое и этическое пространство культуры Серебряного века.

И здесь мы выходим на одну из актуальнейших тем, важную для понимания личностных взаимоотношений между символизмом и акмеизмом в интерпретации В. Ф. Ходасевича: тему служения творческой личности общественным идеалам.

В целом можно отметить, что преобладающей тенденцией в художественной литературе Серебряного века являлось уничтожение в разных вариациях идеи общественного служения личности.

Актуально это и для определения характера взаимоотношений личности Н. С. Гумилева и общества в интерпретациях В. Ф. Ходасевича. Рассмотрим в качестве примера ситуацию чиновничьего служения как маркер общей модели личностной стратегии служения и фиксацию этой ситуации в художественной литературе «рубежа веков». Традиционно непростое отношение российского общества к чиновничеству (от трагедии «маленького человека» Н. В. Гоголя до беспощадной сатиры М. Е. Салтыкова-Щедрина) в Серебряном веке усугублялось деструктивными тенденциями. Влияние разрушительных «праймтингов» находит свое отражение в крайне негативных образах российских чиновников разных уровней, которые предстают в произведениях А. Белого («Петербург»), Ф. К. Сологуба («Мелкий бес»), Л. Н. Андреева («Губернатор», «Нет прощения» и др.), А. П. Чехова, А. Н. Толстого, Л. Н. Толстого и мн. др., как едва ли не основное зло российского общества. Причем в ситуации с чиновничеством литература Серебряного века при всей своей анти-традиционности парадоксально поддерживает достаточно мощную традицию обличения чиновнического служения. Однако есть характерная черта, присущая деструктивным тенденциям этого периода: чиновничество не просто обличается, оно приравнивается к пустоте. Изображаемые негативно чиновники «рубежа веков» – «прорехи», но уже не на человечестве, как это было у Н. В. Гоголя, а на «теле» государства. Аполлон Аполлонович Аблеухов, сенатор из «Петербурга» А. Белого, проваливается в пустоту «межзвездных пространств»; чиновник, притворившийся шпионом в рассказе Л. Н. Андреева «Нет прощения», теряет свое лицо перед зеркалом, теряет самого себя; судебные чиновники, ведущие процесс против Катюши Масловой в «Воскресении» Л. Н. Толстого, представляют собой «провал» в правовой системе, так как не смогли оправдать невинного человека.

В. Ф. Ходасевич на примере анализа личности Н. С. Гумилева дает читателю ясное представление о своем видении идеи чиновничьего служения в частности и служения как культурно-художественного феномена. Для него неприемлема позиция Н. С. Гумилева, «важно заседающего» [2, с. 323], культивирующего те принципы формально-театрального стиля поведения, когда форма, декорации служения преобладают над содержанием. Показательной является фраза В. Ф. Ходасевича, характеризующая данную особенность личности Н. С. Гумилева: «Он любил играть в «мэтра», в литературное начальство своих «гумилят», то есть маленьких поэтов и поэтесс, его окружавших» [2, с. 325]. Тему служения личности общественным идеалам продуктивно можно рассмотреть на примере сопоставления концепции личности Н. С. Гумилева и А. А. Блока в творчестве В. Ф. Ходасевича.

«Блока в Гумилеве, – отмечает В. Ф. Ходасевич, – должна была задевать «пустоватость», «ненужность», «внешность» [2, с. 327]. Именно на этих параметрах личности Н. С. Гумилева акцентирует свое внимание В. Ф. Ходасевич, приводя примеры его поэтико-бюрократического «служения» как «вождя» Цеха поэтов, руководителя коллегии «Всемирной литературы» и т. д. Резким контрастом к «чиновничьему» служению в поэзии Н. С. Гумилева являлась для В. Ф. Ходасевича позиция А. А. Блока, ярко проявившаяся, например, на одном из последних, в феврале 1921 г., выступлениях ав-

тора «Двенадцати» в «Доме литераторов». Дистанция, которую четко обозначает А. А. Блок между бюрократическим служением и подлинно поэтическим служением, ярко подчеркнута В. Ф. Ходасевичем. Он противопоставляет поэта А. А. Блока, бросающего обличительные слова, и сидящего в президиуме «официального представителя правительства некоего Кристи, по должности – заведующего так называемым академическим центром» [2, с. 326]. Не случайным является это подчеркивание должностного статуса чиновника от литературы как маркировка диаметрально противоположной позиции между чиновником и поэтом. По мнению В. Ф. Ходасевича, в личности Н. С. Гумилева зачастую преобладал именно чиновник, и для ходасевичевского идеала поэтической личности такое положение неприемлемо.

Тема служения поэта разрабатывается В. Ф. Ходасевичем не только в «гражданском», но и в «военном» аспекте. Жизнетворческая модель Н. С. Гумилева, в которой разворачивалась в практической плоскости тема батального служения поэта, тема творческой личности и ее отношения к войне, представляла для критика в этом смысле весьма благодарный материал, ввиду ее характерности для литературы русского модернизма в целом в условиях разразившейся мировой войны.

Многие писатели Серебряного века воспринимали и изображали эту войну пафосно и восторженно, особенно в ее начальной фазе, в период всеобщего патриотического подъема. Так, В. Я. Брюсов, по свидетельству Д. Е. Максимова, пропагандировал воинственность как ведущую житнетворческую стратегию, рисуя в своей поэзии человека в качестве «завоевателя природы» [3, с. 168]. В этой связи знаковым жестом становится отъезд поэта на фронт в качестве военного корреспондента. А. А. Блок также отправляется служить ратником в инженерных войсках. Однако Н. С. Гумилев, как никто из русских писателей, откликнулся на войну всем своим существом поэта и гражданина. По словам сына поэта О. Н. Высотского, тот «...войну принял с простотой совершенной, с прямолинейной горячностью. Патриотизм его был столь же безоговорочен, как безоблачно было его религиозное исповедание...» [4, с. 553]. Подобное настроение выражено, например, в стихотворении Н. С. Гумилева «Война», вошедшем в его сборник «Колчан» (1916):

<...> И воистину светло и свято
Дело величавое войны.
Серафимы ясны и крылаты,
За плечами воинов видны.

Тружеников, медленно идущих
На полях, омоченных в крови,
Подвиг сеющих и славу жнущих,
Ныне, Господи, благослови.

Как у тех, что гнутся над сохой,
Как у тех, что молят и скорбят,
Их сердца горят перед Тобою,
Восковыми свечками горят.

Но тому, о Господи, и силы
И победы царский час даруй,
Кто поверженному скажет: «Милый,
Вот, прими мой братский поцелуй!» [5, с. 213 – 214].

Поэт подал прошение о зачислении его в действующую армию, несмотря на наличие у него проблем со здоровьем: ему даже из-за особенностей зрения в виде исключения разрешили применить особую методику стрельбы. По воспоминаниям сослуживцев, на войне, он был «спокойно храбрый и в боях заработал два георгиевских

креста» [6, с. 368]. Сам Н. С. Гумилев высказывался по этому поводу ярче и образнее: «Быть под выстрелами,... – я думаю, такое наслаждение испытывает закоренелый пьяница перед бутылкой очень старого коньяка» [4, с. 201]. Поэт вернулся в Россию для того, чтобы в очередной раз оказаться на самой опасной, на своей войне. Во всяком случае, он ставил свое возвращение из благополучной Англии в один ряд с мировой войной или охотой на львов. Сравнить: «Я дрался с немцами три года, львов тоже стрелял. А вот большевиков я никогда не видел. Не поехать ли мне в Россию. Вряд ли это опаснее джунглей» [6, с. 390]. Уже в советской России, как известно, Н. С. Гумилев провоцирует советскую власть своим монархизмом – открыто крестится на церкви, вызывая выступая перед краснофлотцами и мн. др. – испытывает судьбу, ищет крайнюю опасность, как некогда на полях мировой войны.

Отношение самого В. Ф. Ходасевича к войне мало чем отличалось от позиции В. Я. Брюсова или А. А. Блока. Во всяком случае, судя по следующей выдержке из его письма к Г. И. Чулкову от 15/28 декабря 1914 г., он оценивал ее наступление с позитивной стороны: «Одно очень заметно: все стало серьезнее и спокойнее. Политических сплетен мало, верят им совсем плохо. Москва покрыта лазаретами. Лечат раненых и жертвуют денег, белья, всяких припасов много, делают это охотно и без вычур. Удивительнее всего, что жертвы эти доходят до тех, кому предназначены. Поэтому дышится в известном смысле приятней и легче, чем это было до войны. Вопросы пола, Оскар Уайльд и все такое – разом куда-то пропали. Ах, как от этого стало лучше! У барышень милые, простые лица, все они продают цветки, флажки, значки и жетоны в пользу раненых, а не дунканируют. Студенты идут в санитары, тоже торгуют, даже учатся – а не стоят по суткам перед кассой Художественного театра» [7, с. 391 – 392]. Однако критик глубоко сомневается в целесообразности участия поэта как такового в боевых действиях. В письме тому же Г. И. Чулкову от 30 марта 1916 г. он мотивировал свое сомнение классически ясным *suius generis*: «У «вербовщиков» наших нюх совсем не плохой. Они очень видят, что для командования мы <то есть такие, как Г. И. Чулков и сам В. Ф. Ходасевич> жидки, а для строя – просто смешны. Армия, самая плохая, – беспредельно лучше нас. <...> Куда рвется Блок? Там поэты не нужны, неуместны, едва ли не смешны. Пушкин был другого склада человек, – война была не такая, – а я убежден, что под Эрзерумом он гарцевал прекуръезно. Поезжайте, если хотите, *смотреть*: но *воевать* Вас не позовут, как и Блока» [7, с. 398].

С этой же точки зрения В. Ф. Ходасевич оценивал участие Н. С. Гумилева в мировой войне и в контрреволюционном заговоре. В этом смысле наиболее показательной является его статья «О Гумилеве» (1936), в которой развенчивается широко распространявшийся к этому времени в литературно-общественных кругах русского зарубежья героический миф о Н. С. Гумилеве. Одним из творцов этого мифа являлся Г. В. Иванов, выдвинувший следующий тезис о достигнутом посредством незаурядного волевого усилия абсолютном единстве литературной и биографической личности Н. С. Гумилева: «Он по-настоящему любил и интересовался только одной вещью на свете – поэзией. Но он твердо считал, что право называться поэтом принадлежит только тому, кто в любом человеческом деле будет всегда стремиться быть впереди других, кто, глубже других зная человеческие слабости, эгоизм, ничтожество, страх смерти, будет на собственном примере каждый день преодолевать в себе «ветхого Адама». И – от природы робкий, тихий, болезненный, книжный человек – он приказал себе быть охотником на львов, солдатом, награжденным двумя Георгиями, заговорщиком, рискующим жизнью за восстановление монархии. И то же, что со своей жизнью, он проделал над своей поэзией. Мечтательный, грустный лирик, он сломал свой лиризм, сорвал свой не особенно сильный, но необыкновенно чистый голос, желая вернуть поэзии ее прежнее величие и влияние на души, быть звенящим кинжалом, «жечь» сердца людей» [8, с. 383 – 384].

В. Ф. Ходасевич переосмысливает ивановский мотив подвига-самопожертвования, который совершил Н. С. Гумилев во имя высшего идеала свобо-

ды, завещанного в поэзии А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, трансформируя его в мотив «насилия, творимого над собой типичным декадентом ради обретения материала для своей поэзии» [8, с. 386]. Следствием этого насилия, по В. Ф. Ходасевичу, была условность литературной и биографической личности Н. С. Гумилева, или, по словам критика, «изысканность» [8, с. 387] его поэзии и «несерьезность», «ребячество» [8, с. 387] в жизни. Эти мотивы варьируются в гумилевском тексте В. Ф. Ходасевича в целом [9]. Особенно яркий пример содержится в статье «Из воспоминаний о Гумилеве» (1931), написанной по поводу 10-летней годовщины со дня смерти поэта. Здесь В. Ф. Ходасевич сравнил расстрелянного большевиками поэта с «маленькими барабанщиками, которые попадают в плен и не хотят выдавать своих, – за это их убивают» [10, с. 3]. Другими словами, критик акцентирует мотив бессмысленного героизма Н. С. Гумилева, источником которого является не сознательная политическая борьба, основанная на глубоком понимании общественных нужд, а далекая от правды жизни игра в «белых» и «красных», по своим установкам не отличающаяся от практиковавшихся декадентами жизнетворческих импровизаций-экспериментов.

Подытожим наши наблюдения. Одной из центральных проблем, решаемых В. Ф. Ходасевичем при формировании концепции личности Н. С. Гумилева, являлась проблема социального служения творческой личности. Необходимо отметить, что одной из преобладающих тенденций в художественной литературе периода рубежа веков являлась дискредитация в разных вариациях идеи общественного служения творческой личности. Достаточно указать на развернутый художественно-литературный «прайминг» снижения социального пафоса чиновничьего служения, которое литература Серебряного века предлагала заменить служением литературным, сугубо эстетическим. Расхождение траекторий локальных миров Литературы и Государства, проявляющееся в феномене анти-служения, доминирующего в самосознании Серебряного века, еще более способствовало социальному расколу. Свое видение на эту проблему предлагал и В. Ф. Ходасевич, анализируя личность Н. С. Гумилева. Для В. Ф. Ходасевича на первый план выходит отрицательно им оцениваемое «организаторство» Н. С. Гумилева, культивирование тем принципов формально-театрального стиля поведения, когда форма, декорации служения преобладают над содержанием. Резким контрастом к игре в бюрократию, которую, по В. Ф. Ходасевичу, практиковал Н. С. Гумилев в своем жизнетворческом поведении, являлась для критика сугубо серьезная позиция А. А. Блока, последовательно отвергавшего всякий намек на смешение поэтического, или пророческого, служения с чиновническими установками в деле организации культуры.

Особое место в ходасевичевской концепции личности Н. С. Гумилева занимает тема воинского служения поэта. Для В. Ф. Ходасевича тот пафос войны, воинственности, который декларировал своей жизнетворческой позицией Н. С. Гумилев, был не просто чужд: он ему представлялся глубоко неправдивым, не соответствующим пророческому статусу, которым, по его убеждению, не может не обладать «истинный» поэт. В иерархии русских писателей, созданной В. Ф. Ходасевичем, таковыми поэтами-пацифистами являются Г. Р. Державин как автор оды «На взятие Измаила» (1790) и М. Ю. Лермонтов как автор «Валерика» (1840) [11, с. 125 – 140]. Даже А. С. Пушкин за свои провоенные взгляды заслужил от В. Ф. Ходасевича сатирические уколы, даже он, автор «Пророка», во многом по этой же причине был лишен им пророческого статуса [8, с. 402 – 408]. Н. С. Гумилев в ходасевичевской иерархии оказывается на одной ступеньке с А. С. Пушкиным. Отсюда развенчание его провоенной жизнетворческой модели и сатирическое снижение его личности как неременная характеристика данного типа писателей. Поэтому наивно выглядят упреки А. Л. Бема, осудившего в свое время В. Ф. Ходасевича за слишком «грубое» изображение личности Н. С. Гумилева в упомянутой выше статье «Из воспоминаний о Гумилеве» [12, с. 364]. За резко отрицательными оценками В. Ф. Ходасевичем личности Н. С. Гумилева стоит глубоко проду-

манная и выстраданная на собственном жизненном опыте концепция, основные положения которой мы рассмотрели в нашей статье.

Список литературы

1. Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве И.А. Бунина: Критические отзывы, эссе, пародии (1890-е – 1950-е годы): Антология. – М.: Книжница: Русский путь, 2010. – 928 с.
2. Ходасевич В. Ф. Колеблемый треножник: Избранное. – М.: Советский писатель, 1991. – 683 с.
3. Максимов Д. Е. Брюсов. Поэзия и позиция. – Л.: Советский писатель, 1969. – 240 с.
4. Высотский О. Н. Николай Гумилев глазами сына. – М.: Молодая Гвардия, 2004. – 633 с.
5. Гумилев Н. С. Стихотворения и поэмы. – Л.: Советский писатель, 1988. – 630 с.
6. Гумилев без глянца. – СПб.: Амфора, 2009. – 476 с.
7. Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений. В 4-х томах. – Т. 4. – М.: Согласие, 1997. – 744 с.
8. Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений. В 4-х томах. – Т. 2. – М.: Согласие, 1996. – 572 с.
9. Ходасевич В. Ф. Из петербургских воспоминаний // Возрождение. – № 3012. – 31. 08. 1933. – С. 3 – 4.
10. Ходасевич В. Ф. Из воспоминаний о Гумилеве // Возрождение. – № 2277. – 27.08.1931. – С. 3 – 4.
11. Черкасов В. А. Державин и его современники глазами Ходасевича. – Белгород: Издательство Белгородского государственного университета, 2009. – С. 125 – 140.
12. Бем А. Л. Исследования. Письма о литературе. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 356 – 365.

THE SUBJECT OF THE POET'S SERVICE IN THE LIFE-CREATING PATTERN OF N.S. GUMILEV IN V.F. KHODASEVICH'S OPINION

S. A. Kolesnikov
V. A. Cherkasov

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
SKolesnikov@bsu.edu.ru
cherkasov@bsu.edu.ru*

The paper considers the traditional for Russian poetry subject of the poet's service, which, in opinion of V. F. Khodasevich, was altered in the life-creating pattern of N. S. Gumilev. The bureaucratic ways, which, in opinion of V. F. Khodasevich, N. S. Gumilev are used in his cultural-organizational activities, his militarist mood in connection with World War are satiric lowered by V.F. Khodasevich. The motive of conditionality, "artificiality", "performance", which, in opinion of V. F. Khodasevich, are characteristic for decadent life-creating patterns, are constructive in V. F. Khodasevich's conception of N. S. Gumilev's personality. So V. F. Khodasevich dethroned the heroic myth of N. S. Gumilev, which was composed in Russian exile owing to tragic poet's death.

Key words: life-creating pattern, decadence, literary personality, biographic personality, the hierarchy of Russian writers.